

...Я сам служивый: мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в строгах Парнаса,
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.

Сравнение себя и адресата в пользу последнего, жест «самоустранения». Структура послания Филимонову повторена почти буквально.

Наполнена же она совсем иным содержанием.

Вспомним анализ ее, данный Тыняновым.

«Жившему ряд лет в изгнании Катенину Пушкин говорил:

Он заманит меня потом
Тебе во след опять за славой.

(Следует отметить характерное «опять» — воспоминание Пушкина о своей ссылке)».

Такого же рода политические аллюзии мы видели и в послании Филимонову.

«Еще ироничнее в виду тогдашней литературной перспективы, — продолжает Тынянов, — желание „убраться на покой“ и пожелание остаться ему, Катенину, загнанному литературными врагами, в делах Парнасса взамен Пушкина.

И наконец, обиднее всего был совет уже тогда много пившему Катенину —

Пред делом кубок наливай.

Конец язвительный: пожелание пожинать одному с похмелья лавр *нищего* Корнеля и *сумасшедшего* Тасса. (Вне семантической *двупланности* стихотворения имена Корнеля и Тасса могли бы сойти только за комплимент)»¹⁰.

Последнее вряд ли справедливо. Нищета и безумие не могли быть для Пушкина предметом шуток. Ирония, доходящая до сарказма, заключается в том, что Катенин «с похмелья» и «один», без единомышленников, увенчивает сам себя лаврами своих любимых великих поэтов.

Но нас сейчас интересует не столько «Ответ Катенину» сам по себе, сколько неожиданная близость его к маленькому и, казалось бы, не слишком значительному комплиментарному посланию того же 1828 года. По художественному замыслу, развитию темы, принципам

варьирования образных элементов исходного текста, даже по характеру литературных отсылок и реминисценций послание к Филимонову прямо предвосхитило знаменитое полемическое стихотворение Пушкина, став своего рода его генеральной репетицией.

Впервые: Пушкин. Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986. Для наст. изд. переработано.

¹ См.: Филимонов В. С. «Я не в Аркадии — в Москве рожден...»: Поэмы. Стихотворения. Басни. Переводы. Материалы к биографии В. С. Филимонова/Сост. Л. Г. Ленюшкина, Д. Г. Терентьева//М., 1988. Сводку данных о взаимоотношениях Пушкина с Филимоновым и указания на литературу см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 443.

² Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 75—76.

³ Пушкин и его современники. Вып. IX—X. Пг., 1910. С. 110 (№ 405)..

⁴ Вацура В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь умственные плотины. М., 1972. С. 195—196.

⁵ Филимонов В. С. Цит. соч. С. 22.

⁶ Русская басня XVIII—XIX вв. Л., 1977. С. 264. Ср.: Хвостов Д. И. Живописец и навозная куча//Хвостов Д. И. Полн. собр. соч. СПб., 1817. Ч. 3. С. 129.

⁷ Благой Д. Д. Социально-политическое лицо «Арзамаса»//Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 10—11. Ср.: Там же. С. 27, 95, 97, 100.

⁸ Пушкин. Т. 13. С. 224, 226, 240.

⁹ Там же. С. 266.

¹⁰ Тынянов Ю. Архансты и новаторы. [Л.], 1929. С. 174—175.

Бомарше в «Моцарте и Сальери»

Среди писателей предреволюционной Франции фигура Пьера Огюстена Карона де Бомарше, кажется, была для Пушкина одной из наиболее привлекательных. Во всяком случае, в послании «К вельможе», в «Моцарте и Сальери» мы ощущаем явные следы симпатии не только к блестящему дарованию, но и к самой личности французского комедиографа в ее многообразных обликах — писателя, политика, авантюриста, окруженного ореолом легенды, то безусловно восторженной, то клеветнической. Всего примечательнее, быть может, отзыв 1834 года в статье «О ничтожестве литературы русской»: «Бомарше влечет на сцену, раздвигает и терзает все, что еще почитается неприкосновенным. Старая монархия хочочет и рукоплещет»¹. Политическая роль комедий Бо-

марше для Пушкина очевидна, как, впрочем, и для его современников: в том же 1834 году Сенковский писал почти теми же словами: «Бомарше и Грибоедов с одинаковыми дарованиями и равною колкостью сатиры вывели на сцену политические понятия и привычки обществ, в которых они жили, меряя гордым взглядом народную нравственность своих отечеств»². В сознании Пушкина Бомарше стоит в преддверии нового, буржуазного в существе своем мира — наряду с Вольтером и энциклопедистами, но не смешиваясь с ними. Он один свободен от «заискивания» перед сильными мира сего, и на него — насмешника и разрушителя — не распространяется адресованное Пушкиным Вольтеру обвинение в посягательстве на святыню. Буржуа по происхождению и социальной роли, воинствующий буржуа в своих комедиях, безродный проходимец, торговец от литературы в глазах Екатерины II и Наполеона, он при всем том остается для Пушкина едва ли не единственным «демократическим» писателем, не отмеченным клеймом «буржуазности» в своем личном и социальном поведении³.

На протяжении 1830 года Бомарше становится постоянным спутником Пушкина.

По-видимому, весной 1830 года он слушает рассказы о Бомарше князя Н. Б. Юсупова; в альбоме князя он видит обращенное к нему послание Бомарше; и рассказы, и послание отразятся в его собственном стихотворении «К вельможе», датированном 23 апреля 1830 года.

26 октября он заканчивает работу над «Моцартом и Сальери».

«Моцарт и Сальери» хранит следы непосредственно го знакомства Пушкина с посвящением и предисловием к «Тарару». Слова «откупори шампанского бутылку Иль перечти „Женитьбу Фигаро“» — парафраза из другого предисловия Бомарше — «Сдержанного письма о провале и о критике „Севильского цирюльника“»⁴. Реплики Бомарше, которые приводит Сальери, оказываются почти документальны. И здесь мы закономерно подходим к одной из центральных сцен трагедии, где с именем Бомарше связывается впервые возникающая тема отравления и произносятся слова: «гений и злодейство Две вещи несоместные». Акценты, поставленные в этой сцене, далеко не безразличны для всей трагедии в целом.

Еще А. Н. Веселовский, а затем в специальной заметке Н. О. Лернер⁵ установили, что реплика Сальери о Бомарше-отравителе имеет совершенно определенный литературный источник. Источник этот, впрочем не указанный ими точно, — письмо Вольтера к графу д'Аржанталю от 31 января 1774 года, где Вольтер опровергает клеветнический слух о том, что Бомарше отравил свою жену. «Я продолжаю быть уверен, — писал Вольтер, — что Бомарше никогда никого не отравлял и что столь смешной человек не может принадлежать к семейству Локусты» («Je persiste à croire que Beaumarchais n'a jamais empoisonné personne, et qu'un homme si drôle ne peut être de la famille de Locuste») ⁶.

Письмо Вольтера действительно дает нам исходный текст для реплики Сальери, однако оно не может быть прямым источником — по целому ряду причин.

Прежде всего, подлинный его текст в пушкинское время был практически неизвестен. С конца XVIII века русский и французский читатель знакомился с Вольтером по семидесятитомному, так называемому кельскому изданию (édition de Kehl, 1785—1789) или по позднейшим с него перепечаткам. Редактором этого издания был сам Бомарше, по совершенно понятным причинам обративший внимание именно на это письмо. Он снабдил его примечанием, иронически дезавуирующим легенду, но этим не ограничился. В словах «un homme si drôle» он уловил, по-видимому, иронически-пренебрежительный оттенок и заменил их нейтральным «un homme si gai» («столь веселый человек»). Этот текст и перепечатывался в изданиях Вольтера вплоть до недавнего времени.

Между тем в словах Сальери меняется конструкция фразы («он слишком был смешон»), но сохраняются смысловые оттенки подлинного вольтеровского письма. Здесь можно предполагать наличие посредника. Им оказывается широко известный биографический очерк о Бомарше в «Лицее» Лагарпа, на протяжении нескольких десятилетий предпосылаемый сочинениям Бомарше. Формула Вольтера приводится здесь неточно, но с сохранением первоначального эпитета «drôle» — и в том же виде мы находим ее в биографии Бомарше, написанной Кузеном д'Аваллоном и вышедшей анонимно в 1802 году. По-видимому, к Кузену д'Аваллону она пала из того же Лагарпа.

Нет никаких сомнений, что Пушкин, знавший Ла-

гарпа с лицейских лет, цитирует именно его редакцию: «Ce Beaumarchais n'est point un empoisonneur: il est trop drôle» («Этот Бомарше не отравитель: он слишком смешон») ⁷. Это существенно, так как Лагарп не оставил слов Вольтера без комментария, из которого становится ясен принципиальный смысл его цитации. «Я бы добавил и то, чего Вольтер не мог знать так, как я, — писал Лагарп, — он (Бомарше. — В. В.) слишком добр (il est trop bon), слишком чувствителен, слишком открыт, слишком доброжелателен, чтобы сделать злое дело». Это корректная, но совершенно недвусмысленная полемика с вольтеровским словечком «смешон», которое Лагарп воспринимал, видимо, так же, как и сам Бомарше. В другом же месте своего очерка Лагарп приводит анекдот о мимолетной зависти, которую Вольтер испытывал к литературной славе Бомарше. Анекдот этот также попал в книгу Кузена д'Аваллона.

Вольтер был очарован чтением мемуаров Бомарше против Гезмана, рассказывает Лагарп, «до такой степени, что в какой-то момент почувствовал беспокойство от того, что они принесут слишком большую славу их автору. Он не скрыл этого легкого движения, которое не могло быть ни серьезным, ни обдуманном; он обратил его в шутку, и в письме к одному из друзей, где он расточал похвалы Мемуарам и тому, сколько в них вложено ума, он добавлял: «Полагаю, однако, что его нужно было еще больше, чтобы создать «Заиру и „Меропу”» ⁸.

Пересказав анекдот, Лагарп добавил от себя: «Заира и Меропа в примечании к каким-то запискам! Это шутка, я знаю; но она показывает, насколько серьезно Вольтер был задет и достоинствами Мемуаров, и шумом, который они произвели».

Мы можем предполагать с большой степенью вероятности, что вся эта история, известная Пушкину по очерку Лагарпа, составляет как бы второй, литературно-психологический план сцены в «Моцарте и Сальери». То, что Сальери определяет Бомарше словами Вольтера, в которых за апологией сквозит недоброжелательство, в высшей степени показательно. Еще более показательно, что уже в этой сцене намечается тема «зависти», причем психологическая коллизия оказывается исторически документированной.

В какой мере представление Пушкина о личности Вольтера могло наложить отпечаток на характер Саль-

ери в его трагедии? Здесь нельзя утверждать ничего определенного. Следует иметь в виду, однако, что легенда о «зависти» Вольтера к своим удачливым соперникам имела в России некоторое распространение и могла быть известна Пушкину из разных источников. Еще в 1815 году П. П. Татаринов сообщил Н. И. Бахтину о каком-то услышанном им анекдоте о Вольтере, доказывающем, «что зависть ослепить может и великого человека до того, что он сам на себя оружие подает» ⁹. Речь шла о критике Вольтером стиха из «Ифигении» Расина (эта проблема «Вольтер — Расин» вскоре станет предметом специального интереса в «Зеленой лампе»). Уже после смерти Пушкина появляется в русском переводе анекдот о ссоре Вольтера с Гиббоном, также якобы вызванной завистью Вольтера ¹⁰; о взаимоотношениях Гиббона с энциклопедистами Пушкин знал, по-видимому, из целого ряда источников. А. А. Ахматова обратила внимание еще на один возможный источник сведений Пушкина о литературной жизни Франции вольтеровского времени: письма Экушара Лебрена к Ш. Палиссо, напечатанные в четырехтомном издании сочинений Лебрена; среди них мы находим любопытное письмо от 7 марта 1764 года, написанное в связи с выходом «Дунсиады». «Что касается Вольтера, — пишет Лебрен, — то здесь дело чрезвычайно тонкое. Вы можете быть уверены, что он не выступит против вас; вы связали его похвалами, которые он делает абсурдными, если станет писать против «Дунсиады»; но тем не менее имейте в виду, что, в глубине души он будет крайне ревновать к успеху поэмы и будет очень уязвлен тем, что вы осуществили план, который не раз приходил ему в голову» ¹¹.

В этом общем контексте особое значение приобретает лаконичная запись Пушкина в конспекте статьи «О французской словесности» (1822?): «...Вольтер — Буало убивает фр.<анцузскую> слов.<есность>, его странные суждения, зависть Вольтера...» ¹².

Поскольку этот конспект в значительной своей части опирается на материалы лагарповского «Лицея», мы можем с известной степенью вероятности указать место, на котором основывались слова о «зависти». В шестом томе своего курса Лагарп говорит о посмертной репутации Буало и приводит два стиха Вольтера из «Послания к Буало», на которых основывалось мнение о недоброжелательном отношении Вольтера к Буало, — мнение, согласно Лагарпу, предвзятое и ошибочное. Эти

стихи («Boileau, correct auteur de quelques bons écrits, Zoile de Quinault et flatteur de Louis»). Лагарп осуждает как пренебрежительные и несправедливые, но видит в них лишь случайную вспышку юмора стареющего сатирика, не выражающую его истинного мнения и не перечеркивающую того уважения, какое Вольтер выказывал к Буало на протяжении шестидесяти лет¹³. По существу, перед нами тот же случай, что и с Бомарше; самый ход рассуждений Лагарпа, его извинения и оправдания Вольтера — все это очень сходно. Это место и привлекло, видимо, внимание Пушкина еще в 1822 году, получив психологическую мотивировку, — «зависть», ставшую через восемь лет предметом специального художественного интереса Пушкина.

Если тем не менее связь Сальери и Вольтера в «Моцарте и Сальери» остается проблематичной, то совершенно несомненно, что Бомарше в глазах Пушкина — «моцартианская» натура, и отношение к нему является своего рода пробным камнем как для Моцарта, так и для Сальери. Если вспомнить тот ореол артистического гедонизма, которым окружен облик Бомарше в послании «К вельможе», это станет очевидно. Отличительная черта художественной природы для Пушкина в это время — способность эстетически преломлять необычайно широкий круг явлений действительности; именно это свойство «прямого поэта» будет декларативно отмечено им через два года в послании к Гнедичу. Пушкин создает целую галерею этих «прямых поэтов», не пишущих стихов, — от Самозванца до Дон-Гуана — «поэта» любви¹⁴. В «Моцарте и Сальери» это одна из главных тем, и естественно, что «нормализатор» Сальери, натура «нехудожественная», не «поэт», бросает рефлекс недоброжелательства, условно говоря, «зависти», на своего покойного друга, логикой ассоциации как бы отождествляя его с Моцартом.

Подобное восприятие личности Бомарше очень характерно для Пушкина 1830 года — периода борьбы против жестких эстетических схем, навязываемых ему современной критикой разных лагерей. С другой стороны, представление о нем оказывается шире. Этот «моцартианец» находился в самой гуще жесточайших социальных и литературных боев, и полемическая активность составляла неотъемлемую черту его облика. В 1830 году Пушкин проходит как будто по тем же путям, что и Бомарше, вынужденный защищать своего «Севильско-

го цирюльника» от нападок журналистов, и в высшей степени примечательно, что он начинает учитывать опыт Бомарше-полемиста. В «Сдержанном письме о провале и о критике „Севильского цирюльника“» — полемическом предисловии к изданию пьесы, в том самом предисловии, которое перефразировал Пушкин словами «откупори шампанского бутылку...», сразу же вслед за этим советом читаем: «Если же состояние ваше таково, что вам непременно надо забыться, то сядьте поглубже в кресло, разверните энциклопедическую буйонскую газету, издающуюся с дозволения и одобрения (avec encyclopédie, approbation et privilège), и часика два подремлите».

Бомарше находит полемическую формулу и издевательски развивает ее далее: «Один из них (журналистов. — В. В.), обосновавшийся с дозволения и одобрения в Буйоне (établi dans Bouillon avec approbation et privilège), уже оказал мне энциклопедическую честь, уверив своих подписчиков, что в моей пьесе нет ни плана, ни единства, ни характеров, что она несколько не занимательна и не смешна»¹⁵.

Формула «с одобрения и дозволения» систематически повторяется в тех местах предисловия, где цитируется наиболее нелепые суждения оппонентов Бомарше.

Пушкин подхватывает этот полемический прием — в 1830 году в цикле болдинских полемических статей, писанных как раз в период наибольшего увлечения Бомарше. В «Опровержении на критики», в «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений» он прибегает к подобной же манере иронически-серьезного воспроизведения журнальных нападок; комический эффект, так же как и у Бомарше, создается за счет контраста между ответственностью заявления и ничтожностью его содержания. И совершенно так же, как у Бомарше, оказывается многократно повторенной формула «официальная газета».

«В одной газете официально сказано было, что я мешанин во дворянстве». «Однажды (официально) напечатал кто-то, что такой-то французский стихотворец... человек подлый и безнравственный»¹⁶.

Это «официально» — одна из наиболее емких и идеологически острых формул у Пушкина; она обозначает: «Северная пчела» пользуется поддержкой правительства для печатной диффамации противников.

Изобретение Бомарше-полемиста возрождается в новой функции. Вместе с ним вводится и целая сумма стилизованных средств, создающих алогические контрасты, окрашенные «иронией холодной и осторожной», какую Пушкин находил у французских публицистов века Вольтера.

Связанный с веком Просвещения живыми нитями, Пушкин был в то же время и его исследователем и его критиком. Пушкинская концепция XVIII столетия еще долго будет служить предметом изучения. Многообразная и дифференцированная картина, возникавшая в сознании Пушкина — мыслителя и художника, по-видимому, менялась с течением времени, выдвигая на передний план то одну, то другую фигуру, приковывавшую к себе его внимание. На границе тридцатых годов ему «блеснул» «веселый Бомарше», столь близкий его творческому гению, — и оставил за собою неизгладимый след.

Впервые: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1974. Т. 7.

- ¹ Пушкин. Т. 11. С. 272.
- ² Сенковский О. И. «Горе от ума», комедия в четырех действиях, в стихах, сочинение Александра Сергеевича Грибоедова. Москва, в тип. Августа Семена, 1833, в 8°, стр. 178//Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. Отд. IV. С. 44.
- ³ Большинство данных о Пушкине и Бомарше суммировано в статье Б. В. Томашевского «Пушкин и французская литература»//Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 143—144. Частные наблюдения (в том числе о реминисценциях) см. также: Losinsky G. Pouchkine, lecteur de Beaumarchais./Revue de littérature comparée. 1937. N. 1 (janvier-mars). P. 233—234; Гляссе А. Об источнике одной лицейской эпиграммы Пушкина//Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 77—79; Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1972. С. 106; Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 104. Некоторые дополнительные данные содержатся в наших заметках «Пушкин и Бомарше» (Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1974. Т. 7. С. 204—214); частью этой работы является настоящий этюд. Уже после него вышла статья Н. В. Беляка и М. Н. Виролайнен «Там есть один мотив...»: «Тарар» Бомарше в «Моцарте и Сальери» Пушкина//Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 32—46; понимание роли фигуры Бомарше в «Моцарте и Сальери» здесь во многом отлично от нашего. Наиболее подробное освещение темы «Пушкин и Бомарше» см.: Вольперт Л. И. Пушкин и психологическая традиция во французской литературе. Таллин, 1980. С. 166—196.
- ⁴ Eugene Onegin. A novel in verse by A. Pushkin. Translated from the Russian, with a commentary, by V. Nabokov. N.—Y., 1964. Vol. 3. P. 222—223.
- ⁵ Веселовский А. Н. Бомарше и его судьба: Опыт характеристики//Вестник Европы. 1887. № 2. С. 568—569; Лернер Н. Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 216.

- ⁶ Voltaire. Correspondence. Ed. by Th. Bestermann. Genève, 1963. Vol. LXXXVII. P. 53.
- ⁷ Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne, par J. F. La Harpe. Nouvelle édition, augmentée et compléte, t. XI. Paris, 1817. P. 83; Oeuvres complètes de Beaumarchais, précédées d'une notice sur sa vie et ses ouvrages par La Harpe, t. 1. Paris, MDCCCXXVI. P. X. Ср.: [Ch. Y. Cousin d'Avallon]. Vie privée, politique et littéraire de Beaumarchais. Suivi d'anecdotes, bons mots, réparties, satires, épigrammes et autres pièces propres à faire connaître le caractère et esprit de cet homme célèbre et singulier. Paris, an X (1802).
- ⁸ Lycée... Т. XI. P. 104—105; Oeuvres complètes de Beaumarchais. Т. I. P. XXI—XXII.
- ⁹ РНБ. Ф. 682 (Н. Н. Селифонтова). К. 4. VI Ж. Л. нenum.
- ¹⁰ Первое свидание Гиббона с Вольтером: (1776)//Отечественные записки. 1840. Т. X. Отд. VII. С. 59.
- ¹¹ Oeuvres de Ponce Denis (Ecouhard). Le Brun... Paris, 1811. Т. IV. P. 127. Ср.: Герштейн Э. Г., Вацуро В. Э. Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине//Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 33, 35.
- ¹² Пушкин. Т. 12. С. 191—192.
- ¹³ Lycée... Т. VI. Paris, 1817. P. 317—318.
- ¹⁴ Ср.: Серман И. З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов//Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969. Т. VI. С. 149.
- ¹⁵ Oeuvres complètes de Beaumarchais/Перевод Н. М. Любимова. Т. 1. P. 268, 271.
- ¹⁶ Пушкин. Т. 11. С. 160, 168.

«Могильный голос» Вольтера в пушкинском послании

Посланник молодой увенчанной жены,
Явился ты в Ферней — и циник поседель,
Умов и моды вождь пронрыливый и смель,
Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.

Это строки из пушкинского послания «К вельможе», обращенные к князю Николаю Борисовичу Юсупову, некогда посетившему Вольтера в его всемирно известной резиденции.

23 мая 1830 года, по свежим следам чтения пушкинских стихов, П. А. Вяземский пишет жене: «Я очень доволен посланием к Юсупову, но не могильным голосом Вольтера. Это слишком балладно для классического старика»¹.

Когда Вяземский писал эти слова, он, вероятно, не помнил, что эпитет «могильный» в применении к голосу